

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. П. СНЕСАРЕВ

«ПАЧИЗ»

*(Об одном этнографическом памятнике древних
индо-хорезмийских связей)*

Полевые этнографические исследования в Хорезме и некоторых районах центрального Узбекистана, осуществленные автором настоящего сообщения в последние годы, дали возможность наряду с основными темами исследования, посвященными истории духовной культуры, затронуть ряд вопросов прежней социальной жизни населения этих мест, собрать, в частности, материал о весьма интересном в историко-этнографическом отношении институте, до настоящего времени, к сожалению, еще слабо отраженном в этнографической литературе. Речь идет о традиционных мужских товариществах с их своеобразной внутренней жизнью, любопытным самоуправлением, с выработанным веками неписаным уставом и строгим контролем за соблюдением правил поведения. Товарищества эти имеют многие локальные особенности, но едины в своей генетической связи с мужскими союзами первобытности.

Не касаясь в данном кратком сообщении всей проблемы в целом, чему посвящена специальная работа, подготовленная автором, обратим внимание лишь на одну деталь периодических собраний мужских товариществ (известных в Хорезме под названием «зиёфат»), которая нам представляется небезынтересной в плане реконструкции культурных связей древнего населения Средней Азии с его ближайшими соседями.

Уточняя порядок проведения зиёфатов, выясняя различные виды развлечений собравшихся, автор познакомился с одной народной игрой, именуемой «пачиз», которая сразу привлекла внимание некоторыми присущими ей особенностями.

Прежде всего игра эта, родственная нарду¹, тесно связана с молодежными подразделениями мужских товариществ и является непременной составной частью зиёфатов. Вне последних в обычном быту она не имеет распространения.

Пачиз представляет собой чисто локальное явление, ограниченное рамками Хорезма; попытки обнаружить его в других местах Средней Азии пока не увенчались успехом. Это, естественно, вызывает интерес

¹ Нрд — игра, широко распространенная на Востоке; имеет игровое поле, пешки и кости для определения очков

к вопросу о происхождении данной игры. Обращает на себя внимание прежде всего связанная с игрой терминология, весьма далекая узбекскому и вообще тюркским языкам; ряд терминов не находит аналогий и в персидском языке. Оригинальны и необычны в условиях Средней Азии некоторые чисто технические черты «пачиза»; так, игральными костями служат не известные всем кубики с обозначением очков на их сторонах и не широко распространенные в Средней Азии астрогалы, а соответствующим образом обработанные раковины каури. И, наконец, особенное своеобразие игре придает та конечная цель, ради которой азартные игроки часами проводят время за пачизом; о характере и значении этой цели, ввиду важности вопроса, мы подробно скажем ниже.

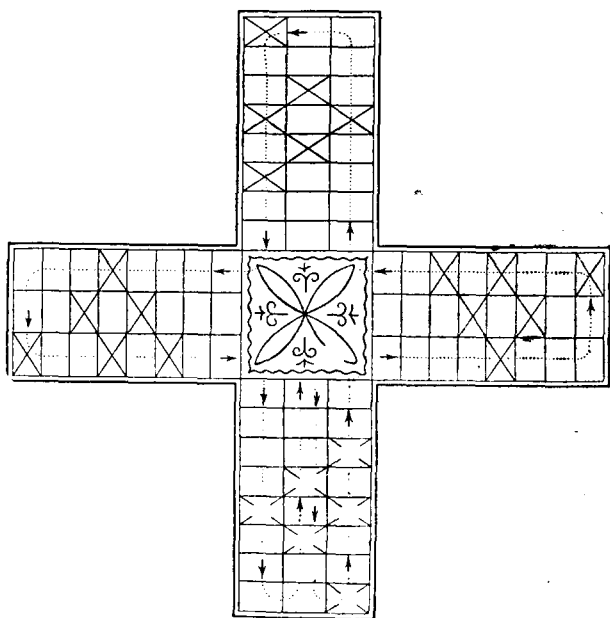

Рис. 1. «Пачиз»; чертеж игровой доски

Сама по себе игра не отличается большой сложностью. Ее игровое поле состоит из 96 клеток, сгруппированных таким образом, что в целом образуется фигура крестообразной формы (рис. 1). По клеткам передвигаются пешки, называемые «от» (конь). Их по четыре у каждого игрока, и все они равнозначны. Каждая пешка, после выхода из центра поля, именуемого «талак», должна обойти по периметру все поле игры и снова вернуться в центр. Каждый ход определяется количеством очков, выпавших при очередном броске семи игровых «костей» — раковин. В процессе передвижения по игровому полю пешка может быть убита противником и в этом случае должна начинать свой путь из «талака» заново. Выигрывает тот, кто первый привел все четыре пешки в центр поля.

Не касаясь многих мелких правил игры, обратим внимание на те ее особенности, которые помогут нам решить вопрос о происхождении пачиза. Остановимся прежде всего на способе определения очков и на связанных с этим терминах.

Игральные кости — раковины каури (рис. 2), носящие в Хорезме название «илон баш» (т. е. змеиня голова), либо покупались в уже обработанном для игры виде у базарных торговцев мелочью, либо сами игроки придавали им необходимый вид и вес: спинки раковин спилива-

лись, края тщательно выравнивались, после чего через образовавшееся овальное отверстие раковины заливались свинцом или медью. Металл в раковине закрепляли воском (мум).

После этого раковина становилась достаточно тяжелой для броска и получала надлежащую форму: могла падать либо одной, либо другой своей стороной. Сторона с естественной щелью называлась «пикка», обратная, залитая воском — «чикка».

То или иное сочетание «пикка» и «чикка» семи раковин определяло количество очков. Таких сочетаний было 8 и каждое имело особое

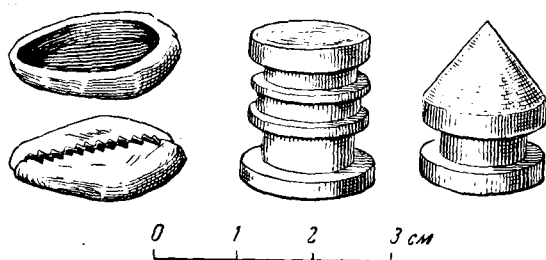

Рис. 2. Игральные кости пачиза — раковины-каури и пешки

название: 6 очков «чакка», 10 — «даст», 2 — «ду», 3 — «се», 4 — «чор», 25 — «пачиз», 30 — «пачоз», 12 — «бора».

Единицы в сочетаниях «пикка» и «чикка» не было, однако в игре она существовала (точнее подразумевалась) под названием «хал». «Хал» играл двойную роль: во-первых, давал право на первый выход пешки на игровое поле и на повторный бросок костей; «халом» обладали следующие сочетания: «даст», «пачиз» и «пачоз». Во-вторых, «хал» являлся непосредственно очком и, будучи прибавлен к указанным сочетаниям, давал лишний ход пешке.

Игровое поле пачиза — «пачиз дастурхони» (скатерть пачиза) — вышивалось на материале, обычно бархате черного или синего цвета; соответственно этому подбирался цвет ниток (рис. 3). Вышивали его женщины или мужчины специалисты-ремесленники (пүстиндузы — скорняки, позднее — машиначи — портные). Материал вырезался по контуру поля, с обратной стороны была подкладка. Вне игры дастурхон складывался, «крылья» его сгибались, пешки помещались в особом карманчике в центре дастурхона.

Вышивкой выделялись некоторые, имевшие особое значение, клетки игрового поля: «чира-хона», «пачиз-хона», «пачоз-хона» и др.²

Однако интерес представляют не правила игры, а главным образом сам ритуал ее.

На мужских собраниях в пачиз начинают играть только в определенное время, а именно — после первой перемены в традиционной трапезе, после чая, с которого начинается угощение. Для начала игры испрашивают разрешения «агабия» — избранного руководителя данного мужского товарищества³.

² Вообще для каждого сочетания в начале игры имела своя клетка: «ду-хона», «се-хона» и т. д., но не все они выделялись вышивкой.

³ О хорезмских зэфатах и их руководителях см. Г. П. Снесарев, Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма, «Материалы Хорезмской экспедиции», М., 1960, в. 4, стр. 140—141.

Игра происходит в комнате, где проводится зиёфат, в присутствии всех собравшихся. Играют два или четыре человека (сторона на сторону)⁴. Дастурхон расстилается на ковре, кости обычно бросают на «кийгиз» (кошму). Начинает игру тот игрок, который сидит в правой (уңг) половине и ближе ко входу. Кости бросают все четверо поочередно, однако передвигает пешки с каждой стороны лишь один игрок, считающийся старшим.

Играют с азартом, высоко подбрасывая кости, с громкими восклицаниями, пожеланиями удачи. Страсти особенно разгораются под конец партии, когда игроков окружают зрители, принимающие самое живое участие в игре.

Насколько пачиз увлекал молодежь, можно судить по рассказу гурленского информатора С. В. доме его отца постоянно жило несколько молодых батраков, устраивавших свои зиёфаты в предназначенной им для жилья «худжре» (комнате) и все свободное время отчаянно сражавшихся в пачиз. «Каждую весну, когда кончался сезон зиёфатов, в худжре приходилось класть новую кошму, так как от старой оставались одни дыры: игроки бесчисленное количество раз бросали на кошму кости и, сгребая их, портили ее, превращая в настоящую рухлядь»⁵.

Некоторые броски костей и выпавшие сочетания их сопровождались особыми церемониями. Так, выбросивший чакка (6 очков) обязан был по традиции прильнуть щекой к полу, в то время как противник с силой бил его. Если побитый после чакка выбрасывал сочетание с халом, он отвечал своему сопернику тем же.

После знакомства с игрой возникает вопрос: чем же вызывается этот азарт, который сопровождает пачиз, это волнение и играющих и зрителей? Ведь по сути дела игра эта, при крайне ограниченных возможностях комбинирования, весьма скучна. Тут мы подходим к вопросу, являющемуся, на наш взгляд, ключевым, — вопросу о цели игры. Излагая дальнейшие факты, мы попытаемся критически их осмыслить, чтобы ответить на три основных вопроса, стоящих перед нами: к каким периодам истории общества восходят корни пачиза, где его родина и что можно сказать об истории игры в Хорезме.

Согласно старинной легенде, изложенной в «Книге игр» — рукописи кастильского короля Альфонса (XIII в.), хранящейся в Эскуриале, три индийских мудреца принесли людям шахматы — игру разума, кости — игру удачи и нарды, соединяющий в себе оба эти принципа⁶.

Какое же из этих начал заложено в пачизе?

Несомненно, он относится к разряду нардов, однако имеется одно существенное обстоятельство, отличающее пачиз от нарда, причем оно

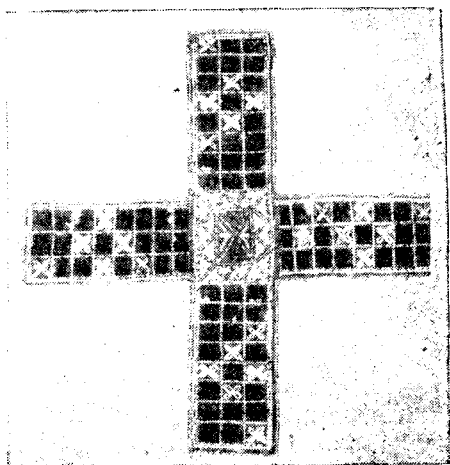

Рис. 3. «Пачиз дастурхон», Хива; из собраний Хивинского музея

⁴ Возможно, имелись варианты игры, при которых четыре человека играли самостоятельно, так как для этого приспособлено каждое «крыло» игрового поля.

⁵ Послевоенные записи автора, 1961 г.; информатору мы обязаны знакомством с правилами игры и обычаями, ее сопровождающими.

⁶ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Шатранг, Гос. Эрмитаж, Л., 1936, стр. 85—86.

касается не технической стороны обеих игр (которые, кстати, сильно разнятся), а затрагивает самые принципы игры.

В пачиз, во всяком случае в Хорезме, в отличие от игры в кости и нарда никогда не играли на деньги или иные ценности. Более того, последнее было строго запрещено и каралось неписаным уставом мужских товариществ. Эта традиция сохранилась до самого последнего времени. Наши хорезмские информаторы говорили, что и картежную игру на деньги (кстати сказать, весьма позднее явление) старались держать в тайне от «агабия» и товарищества в целом, прячась в разрушенных домах, уходя за границы поселка и т. д., так как зачастую по отношению к провинившимся применялась крайняя мера — исключение их из товарищества.

В пачиз играют не ради сложных стратегических комбинаций, дающих пищу уму, как в шахматы, и не ради материального интереса, как в бездумные кости. В него играют ради того, чтобы, образно выражаясь, поставить противника на колени, сделать его слепым орудием в руках выигравшего, так как традиция игры отдает неудачника в полное распоряжение победителя. В этом — дух игры, ее основное зерно. И именно этого момента ждут и игроки, и возбужденные болельщики. Эта конечная цель игры и связанные с нею разнообразнейшие способы наказания проигравшего позволяют нам заглянуть в далекое прошлое этой ритуальной мужской игры, происхождение которой, как и большинства народных игр и развлечений, связано с социальными отношениями прошлого, верованиями, культом.

Когда узбеки-найманы, живущие в предгорьях к юго-западу от Самарканда, еще недавние полукошечники, предаются зимним развлечениям и по своим возрастным группам, не исключая и почтенных отцов семейств, играют в «чиркас» — делятся на два «войска», возглавляемые «беками», осаждают «крепость», стараясь захватить «пленных», они по существу воспроизводят то, что еще сравнительно недавно, в условиях Бухарского ханства с его племенными усобицами было полной реальностью⁷.

Межродовая борьба, как это доказывается многими реликтами, лежит в основе таких увлекательных состязаний, ставших неременной частью «тамоша» (зрелища) на тоях, как козлодрание и байга. Есть прямые свидетельства тому, что бои баранов, которыми сейчас в Хорезме развлекаются гости на тоях, служили в древности способом определения будущего урожая⁸.

При внимательном рассмотрении театрализованных действий горных таджиков, происходящих на свадьбах и обрезаниях (связь которых с инициациями не вызывает сомнения), в них прослеживается древнейший пласт первобытно-тотемистических верований и обрядов. Даже безобидное качание на качелях во время весенних «сейлей» у народов Средней Азии, как впрочем и у многих других, связано с пережитками магической практики. И в детских играх и в сопровождающем их фольклоре можно обнаружить чрезвычайно интересные действия и выражения, давно потерявшие свой первоначальный смысл.

Чтобы понять, какое рациональное начало было связано с пачизом в эпоху его зарождения и оформления, следует более подробно остановиться на том комплексе штрафов и наказаний, которым в конце игры подвергались проигравшие.

Виды наказаний при игре в пачиз весьма разнообразны. (Мы смело можем применить слово «наказание», ибо именно так следует рассматривать то, чему подвергается неудачливый игрок.)

⁷ Полевые записи автора в Среднеазиатской этнографической экспедиции 1960 г.

⁸ И. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 296.

Наименее оригинален и, видимо, поздний по времени — штраф в виде внеочередного угощения всех участников товарищества. Однако на последнее обстоятельство следует обратить внимание, так как по существу жертву игры наказывает весь коллектив. И во многих других случаях победитель выступает лишь как представитель товарищества. Имеются, правда, скудные свидетельства тому, что в старину наказание проигравшему назначалось агабием — главой товарищества мужчин.

Нет возможности описывать все наказания, применяемые при игре: традиция и фантазия создали бесконечное количество «изза», как в Хорезме называют подобные штрафы («изза» — чувство стыда, смущения). Перечислим лишь некоторые из них.

«Эшак». Проигравший имитирует ишака, становясь на четвереньки. Он обязан возить на спине окружающих; его бьют, а победитель всячески поносит «животное» и издевается над ним.

«Маймун». Проигравший изображает обезьяну, которую бьют, заставляя танцевать.

«Девона». Проигравшему мажут лицо сажей, на шею вешают «турва» (мешок), в руки дают «хасса» (посох) и победитель водит его по другим зидфатам (!), заставляя просить милостыню.

«Каптар». Над головой проигравшего бьют в ладоши, изображая взмахи крыльев птиц; удары приходится по голове жертвы.

«Сартараш». Победитель копирует действия парикмахера, при этом болевые воздействия («намыливание» головы проигравшего) здесь сочетаются со стремлением вызвать «изза», чувство стыда в полном смысле (мы не входим в подробности некоторых шепетильных моментов этой экзекуции).

«Кўчкор уруш». Двух проигравших заставляют изображать бой баранов: ставя на четвереньки, сталкивают их лбами, поощряя к «бою» ударами в спину.

«Арава». Проигравшего впрягают в настоящую арбу и заставляют возить ее по двору.

Уже при этих перечисленных нами видах наказаний (в которых немалую роль играет причинение жертве физической боли) проигравший обязан проявить много терпения, выдержки и простой выносливости, чтобы показать себя настоящим мужчиной. Однако штрафы при игре в пачиз не всегда носили такой сравнительно безобидный характер. Были штрафы — подлинные испытания мужества, воли и физической силы участника мужского товарищества. Некоторые из них поражают своей универсальностью: они широко распространены и вне игры в пачиз, как обычный способ наказания провинившихся членов товарищества; при этом ареал их применения весьма обширен — мы находим их и у хорезмских узбеков, и у населения горного Таджикистана, и в целом ряде других мест. К таким наказаниям, например, относится испытание холодом, применяемое в Хорезме и к жертвам пачиза. Потерпевшего поражение в игре связывали по ногам и рукам, прикрепляли его к «занги» (лестнице, употребляемой в Хорезме для переноски трупов) и выставляли в таком виде на двор на всю зимнюю ночь. Информатор Рахимов Баба (Куны-Ургенч), рассказывая о подобных способах наказания игроков в пачиз, немало не преувеличивает (чему можно вполне верить), подчеркивая, что в старину болезнь и даже смерть нередко сопровождали подобные расправы с неудачниками.

Иногда испытания физической выносливости сочетались с воздействием на психику наказуемого. Зафиксированы случаи (например, в Шаватском районе в сел. Хураз-ишан и других местах), когда юношу, проигравшего в пачиз, клали связанного в «табут» (ящик на носилках

для переноски покойников) и оставляли на ночь на кладбище⁹. Ходячим стал мотив рассказа об участнике зиёфата, который, проиграв в пачиз, вынужден был ночью на кладбище вонзить нож в землю могильного холма. При этом он случайно пригвоздил к земле полу своего халата и умер от страха.

К подобным же варварским способам наказаний относится подвешивание проигравших и копчение их в дыму очага, зафиксированные нами в Хивинском районе. Здесь проигравшего в пачиз подвешивали на крюке, вбитом в стену комнаты, иногда головою вниз, или, как сообщил нам информатор С. Ибрагимов, привязывали к толстой веревке, переброшенной через бревно, лежащее поперек «дуннук» (дымового отверстия в потолке), подтягивали его вверх и оставляли в таком виде коптиться в дыму сырых дров, специально брошенных с этой целью в очаг.

Красочные описания подобных экзекуций, совершавшихся над молодыми участниками товариществ, невольно вызывают по аналогии хорошо знакомые этнографам картины юношеских инициаций у австралийцев (поджаривание на костре), у индейцев (подвешивание и истязание юношей) и др. Подобные аналогии, по нашему глубокому убеждению, вполне закономерны. Вся система воспитания молодежи в среднеазиатских мужских товариществах с традиционными состязаниями в борьбе, беге, козлодраниях, с военизированными выездами мужских молодежных объединений на «сейли» (празднества), со сложным и в ряде моментов весьма архаичным комплексом наказаний и штрафов провинившихся — все это служило определенной цели: воспитанию зрелого мужчины, закаленного охотника и воина, а в условиях Средней Азии также ловкого наездника-пастуха, и генетически восходит к возрастным инициациям первобытного общества. Составной частью этой системы были штрафы и наказания, применяемые и при игре в пачиз, этой своего рода ритуальной игре мужчин, тесно связанной с их возрастными объединениями, восходящими к мужским союзам¹⁰. И в этом следует искать наиболее глубокие корни пачиза. Все позднейшие модернизации системы наказаний, превращавшие их в шутку, в забаву, не могут скрыть от нас этой их древней основы.

Итак, пачиз и сопровождающие его обычаи не служат только способом проведения досуга, он как бы является органической деталью мужских товариществ и их собраний; он так же необходим и слит с ними, как и всякого рода народно-спортивные состязания молодежи, и так же как и они имеет рационалистическое обоснование в отдаленном прошлом жизни общества.

Значительно проще ответить на второй поставленный нами вопрос — где родина пачиза?

Анализ фактического материала в этом плане заставляет нас обратиться к той древней и вечно юной стране, где пачиз хорошо известен и живет и поныне. Мы имеем в виду Индию. Здесь пачиз знают повсюду, хотя имеются локальные особенности и в способах игры и в терминологии (так, в разных местах варьирует название игры — «пачиси», «чаусер», «тйам») ¹¹.

⁹ Обратим внимание на то, что здесь прослеживается мотив смерти и нового рождения, хорошо известный в практике первобытных инициаций.

¹⁰ Следует отметить, что люди старших возрастов в пачиз не играют, объясняя это тем, что в этом возрасте неудобно подвергать себя насмешкам и различным экзекуциям. Последнее объяснение еще раз доказывает наличие тесной связи системы штрафов и наказаний с теми возрастными классами, которые находятся еще в сфере возрастных инициаций.

¹¹ Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность Н. Р. Гусевой, обратившей наше внимание на индийскую терминологию пачиза и оказавшую большую помощь при выяснении его индийских корней, а также индийцам, проживающим в Москве — гг. Бхисхам Сахни и Соме Сундарам, которые дали интересные сведения о распространении пачиза в Индии и помогли восстановить индийскую основу терминологии пачиза.

Ярким свидетельством индийского происхождения игры служит ее терминология, почти полностью сохранившая в хорезмском варианте в тюркоязычной среде свою древнюю основу.

Приведем сравнительную таблицу названий очков в хорезмском пачизе и на языке хинди:

Очки	Хорезмский термин	На языке хинди	Очки	Хорезмский термин	На языке хинди
2	ду	до	10	даст	дас
3	се	ти	12	бора	барах
4	чор	чър	25	пачиз	пачис
6	чакка	чха	30	пачоз	тис

В терминах, обозначающих игральные очки, мы видим, таким образом, почти полное совпадение. Исключение составляет лишь хорезмийский термин «пачоз», соответствующий 30 очкам, который в языке хинди означает числительное 50. Очевидно, в Хорезме произошло его переосмысление; сохранение здесь самого термина «пачоз», возможно, связано с наличием каких-либо вариантов игры.

Производное от числительного «чха», равного шести, в языке хинди звучит «чхаккă», означает «шестерка» и применяется в разных играх.

Особо важное значение в игре имеет, как мы видели (см. стр. 84), термин «хал». Вполне естественно, что он, как и название самой игры («пачиз» — «пачис»), прочно удержал свою индийскую основу: это именно «хал», восходящее к «хал» языка хинди (разрешение, развязывание), что полностью соответствует смыслу применения этого термина в игре.

«Чира-хона» — термин, применяемый в Хорезме по отношению к той клетке, в которой пешка находится в безопасности — это «чира-хăнă» языка хинди, буквально означающего игровую клетку, зачеркнутую крестом, что полностью соответствует ее изображению и в хорезмском и в индийском пачизе. В пенджабском варианте игры известен термин «букди-хона», применяемый и в пачизе.

Оставим пока открытым вопрос о происхождении терминов «пикка» и «чикка», применяемых к сторонам игровой раковины¹². Однако напомним, что в тамильском языке существует термин «паккам», обозначающий положение, при котором вещь, предмет падает к земле «спиной».

Чтобы закончить вопрос о терминологии пачиза, укажем, что игральные пешки, которые в Пенджабе делают из дерева и окрашивают в разные цвета, носят там название «гот». Весьма созвучное этому хорезмийское «от», примененное к пешкам и переводимое здесь как «конь» (узб. «от» — конь, лошадь), на наш взгляд, также восходит к индийскому термину¹³.

Серьезным подтверждением индийского происхождения игры является использование в качестве игровых костей раковин, необычное в Средней Азии. Раковины в качестве мелкой монеты, украшений известны здесь с глубочайшей древности. До последнего времени «илон

¹² Созвучные термины (шукка, чукка, шук, чук и др.) широко распространены при различных играх у народов Средней Азии.

¹³ Трудно предположить, что в хорезмском пачизе этот термин по каким-то причинам был воспринят из шатранга (шахмат).

баши» употребляются населением как обереги: пришиваются к тюбетейкам, к одежде, прикрепляются к амулетам («туморам») и т. д. Однако применение их в качестве игральные костей — здесь исключительное явление.

Иное дело в Индии. Здесь каури — игральные кости известны очень давно. Сошлемся хотя бы на «Артхашастру», датируемую европейскими учеными началом нашей эры, а индийскими учеными — IV—III вв. до н. э.¹⁴ В ее третьем отделе «О судопроизводстве» мы читаем: «Надзиратели же должны быть честными и давать игрокам (необходимые для игры) раковины и кости»¹⁵. И далее: «Если подкладываются другие раковины и кости, то за это следует штраф в 12 пана»¹⁶. В четвертом отделе «Об устранении препятствий» говорится: «Если кто-нибудь (при игре в кости) мошенничает посредством подложных раковин..., то ему отрубается одна рука»¹⁷.

В этой связи обратим внимание на одно обстоятельство. В текстах «Артхашастры» говорится о подложных раковинах. Подложными, на наш взгляд, могли считаться те раковины, которые по своему весу не соответствовали норме. Отсюда напрашивается предположение, что раковины, употреблявшиеся для игры в древней Индии, проходили предварительную обработку и достигали определенного стандарта. Не следует ли думать, что и сам способ заливки раковин металлом при хорезмском варианте пачиза принесен был из Индии?

Совпадение отдельных элементов индийского и хорезмского пачиза можно проследить даже в технических деталях игры. На рис. 4 воспроизведена игральная доска из Южной Индии (хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде)¹⁸.

В нижней части доски мы видим ту же крестообразную фигуру игрового поля (а), которая хорошо знакома по хорезмскому пачизу, причем сходство проявляется даже в способе выделения особо важных клеток («чир-а-хона», «пачиз-хона», пачоз-хона»). В Хорезме игровое поле пачиза всегда вышивалось на ткани. Игровое поле на ткани известно и в Пенджабе. Нам кажется, что эта особенность хорезмского пачиза, если учесть распространение его в этнической среде (хорезмские узбеки), для которой вышивание, за малыми исключениями, не было характерно вообще, говорит о глубокой традиции, подтверждающей индийское происхождение пачиза.

¹⁴ «Артхашастра или Наука политики», пер. с санскрита, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.

¹⁵ Там же, стр. 216.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 248.

¹⁸ №-2984. 109; Из коллекций Мерварт (1914—1918 гг.). Приношу благодарность М. К. Кудрявцеву, обратившему мое внимание на этот экспонат.

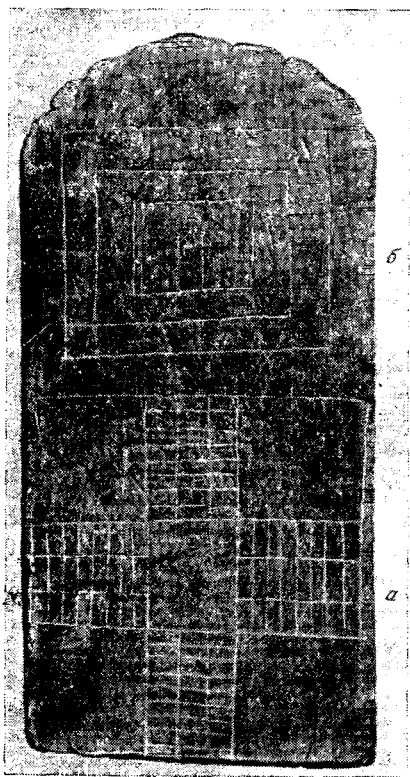

Рис. 4. Игральная доска из Южной Индии. Внизу (а) игровое поле пачиза;верху (б) игровое поле индийской игры «каттам»

Трудно пока ответить на последний вопрос — когда и при каких условиях пачиз проник на территорию Хорезма? По этому поводу последнее слово — за археологической наукой. Именно археологические находки в Хорезме позволяют высказать некоторые сугубо предварительные соображения по этому вопросу.

Среди многочисленных находок раковин в материалах, собранных Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, наряду с обычными раковинами, употреблявшимися в качестве бус, подвесков и т. п., обнаружены такие их экземпляры, которые привлекают внимание необычной формой искусственного отверстия: на месте спиленной спинки раковины имеются овальные отверстия, слишком большие по сравнению со всей площадью раковины и явно не предназначенные для нанизывания ее на нить (рис. 5).

Сравнение подобных раковин с «илон баш», используемыми в пачизе, дает полную идентичность искусственного отверстия, которое в этнографических объектах служит для заливки раковины металлом, как об этом уже говорилось.

Есть основание полагать, что и имеющиеся в археологическом материале раковины с подобной формой искусственного отверстия служили игральными костями; отсутствие в них следов металла может быть объяснено тем, что время и природные условия не сохранили воск или другое вещество, закреплявшее металл в раковине, как мы это видим в игральные кости пачиза.

Раковины с овальными отверстиями в довольно значительном количестве были найдены в материалах с поселений хорезмшахского времени. Если принять в качестве рабочей гипотезы, что эти раковины служили игральными костями пачиза, то последний, следовательно, был известен в Хорезме уже в X—XIII вв. н. э. Однако есть основание значительно углубить эту датировку. Раковины с подобными отверстиями были обнаружены также в археологическом материале античного Хорезма¹⁹. Это позволяет высказать предположение, что индийская игра с использованием раковин появилась в Хорезме еще в античный период, когда с конца I в. н. э. Хорезм сделался составной частью «индийско-среднеазиатской империи кушанов и испытал за это время мощное культурное влияние Индии»²⁰.

Анализируя скульптуру и живопись дворца Топрак-кала, хорезмскую терракоту, краниологический материал, С. П. Толстов находит все новые и новые подтверждения этому влиянию, обращая особое внимание в связи с этим на роль, которую в жизни Хорезма того времени играла «группа военных колонистов» индийского происхождения,

Рис. 5. Раковины с большим овальным отверстием из археологических находок Хорезмской экспедиции; справа для сравнения — раковины с искусственными отверстиями, предназначенные для нанизывания

¹⁹ Необходимо отметить весьма важное для нас обстоятельство: в археологическом материале Хорезма до эпохи античности подобные раковины не были обнаружены. Но вообще раковины-каури подобного вида могли попадать в Среднюю Азию уже очень рано, так как они издревле употреблялись в Индии в качестве игровых костей.

²⁰ С. П. Толстов, Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «Эры Шака» и «Эры Канишки», «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 67.

т. е. та среда, которая позднее, в середине III в. н. э., по мысли С. П. Толстова, послужила базой для создания особой индо-хорезмийской династии²¹.

Мы видим, что условия для проникновения из Индии в Хорезм пачиза — мужской ритуальной игры — в данный период были весьма благоприятными. Нет сомнения, что и в древней Индии подобные игры были тесно связаны с мужскими объединениями. Г. Шурц, основываясь на древнеиндийских письменных источниках, сообщает о так называемых сабха — мужских собраниях, на которых «происходили попойки и игра в кости, горячившая кровь играющих»²². Г. Шурц не говорит, что это за игра, каковы были игральные кости, однако нам важен уже сам по себе факт подобной связи игр с традиционными сборищами — «сабха», на которые Шурц неоднократно обращает внимание как на дериват первобытных мужских союзов на индийской почве²³.

Можно предположить, что уже в Хорезм пачиз пришел как ритуальная игра мужчин и принесен он был теми «военными колонистами», о которых в своей работе упоминает С. П. Толстов. На хорезмской почве эта игра была воспринята местными мужскими объединениями, проникла в комплексы их локальных традиций, закрепились в них и донесена была до нашего времени.

Остается загадкой — почему пачиз, при условии, что он был распространен и в других местах Средней Азии, не оставил там никаких следов? Если таковые обнаружены не будут, останется предположить, что либо он в силу каких-то особых причин был из Индии принесен только в Хорезм, либо объяснить исчезновение его, например, в центральном Узбекистане, влиянием ортодоксального ислама, подобно тому как последний изгнал здесь из жизни народа нарда и кости²⁴. В Хорезме же, судя по этнографическим материалам, домусульманские элементы в обычаях и, особенно, в верованиях и культе более отчетливо сохранились, чем в других местах Средней Азии.

В заключение мы хотим еще раз обратить внимание читателей на воспроизведенную на рис. 4 игральную доску, привезенную из Южной Индии. В верхней ее половине, над чертежом пачиза, изображено игровое поле другой индийской игры, известной на юге Индии под названием «каттам» (б). Лица, хорошо знакомые с бытом туркменского народа, сразу узнают в данном чертеже игровое поле «дуздум» — игры, широко распространенной в Туркмении²⁵.

Видимо, пачиз не одинок; не только он (если не считать нарда и шахмат) был принесен в Среднюю Азию в результате прочных культурных связей ее народов с народами, населяющими Индостан. В плане нашей гипотезы о времени появления пачиза в Хорезме заслуживает внимания то обстоятельство, что «дуздум» распространен преимущественно на территории туркмен-текинцев, т. е. в оазисах древней оседлой культуры, некогда входивших, как и Хорезм, в Великую империю кушанов²⁶.

²¹ Там же, стр. 57, 65 и далее.

²² Г. Шурц, История первобытной культуры, т. I, М., 1923, стр. 132.

²³ H. Schurtz, Altersklassen und Männerbünde, Berlin, 1902, стр. 282—283.

²⁴ И. Орбели и К. Тревер, Указ. раб., стр. 121—122.

²⁵ Приношу благодарность К. Ниязкычеву, давшему интересные сведения об игре «дуздум».

²⁶ О том, что «дуздум» давно бытует на территории Туркмении, имеются подтверждения археологии. Археологами Туркмении на городище Геок-тепе Марыйской области в слоях XI—XII вв. был найден фрагмент обожженного кирпича с чертежом игрового поля «дуздум». (См. заметку К. Адыкова «Находка археолога подтверждает», газ. «Туркменская искра» от 1 марта 1960 г.).

SUMMARY

The men's game «pachiz», which is similar to nard, was widely known among the still surviving male alliances which derive genetically from those of primitive society, with their periodic assemblages known as «ziyefats». The system of tests and fines for the youth, which are a characteristic feature of pachiz, resemble the old initiation rites connected with coming of age.

Pachiz was introduced into Khorezm from India. This is confirmed by the terminology of the game and the use of *Cypraea moneta* shells, which are unusual for Central Asia, as dice in playing the game. Pachiz was apparently peculiar to Khorezm since no evidence of the game has so far been discovered in other parts of Central Asia.

The finding of skillfully decorated shells like those used for dice in pachiz in archeological excavations at Khorezm may be proof that this game was known from early times there. It may be assumed that the game acquired popularity in the period when India exerted intensive influence on Khorezm, when the latter was a part of the Great Kushan Empire.
